

«структурно-семантические разряды»: 1) общеупотребительные русские слова, в которых появились новые, публицистические (?) значения (*озглад, соззрение, друг, борец, здание* и др.); 2) новообразования, созданные при помощи суффиксов (*личность, гласность, чиновничество, вешательство* и др.); 3) словосложение (*самообольщение, самосознание* и др.); 4) субстантивированные образования (*новое, старое, красивые, белые* и др.); 5) научная терминология, употребляемая в публицистическом значении (*организм, пациент* и др.); 6) интернациональные общественно-политические термины (*социализм, империализм, абсолютизм* и др.); 7) неологизмы Герцена (*газетонапещ, людосек, людокрад* и др.).

В результате очевидной разнородности принципов, положенных в основу классификации, общая картина оказывается весьма пестрой и не создает впечатления об исследуемом слое лексики Герцена как о единой системе. В основу классификации положены принципы не существующие, а случайные. Как следствие, часто то или иное слово, фигурирующее у автора в одной из перечисленных рубрик, может быть помещено и в другую. Например, слово *личность* отнесено автором ко второму разряду, но с успехом может быть помещено в первый или в пятый и т. д.

Необходимо отметить, что автор очень добросовестно подошел к выполнению своей задачи, материал, привлеченный им из произведений Герцена, ярок и нов, и работа поэтому читается с интересом. Указанные же выше недостатки, как и ряд других, относясь не только к данной, но к значительному большинству других лексикологических работ, говорят о необходимости выработки строго научных и объективных методов исследования лексики литературных произведений.

В статье Л. П. Григорьевой «Вставные конструкции в романе Л. Н. Толстого „Война и мир“» (стр. 275—299) на основе рассмотрения большого фактического материала из «Войны и мира» среди вводных слов, словосочетаний и предложений выделяются в качестве особого синтаксического явления конструкции, называемые автором вставными. Л. П. Григорьева устанавливает отличия вставных конструкций от вводных, заключающиеся, по ее мнению, как в лексико-грамматических, так и в смысловых признаках. Анализ употребления вставных конструкций Л. П. Толстым, проведенный в работе, показывает, что в качестве вставных могут употребляться все основные типы простых и сложных предложений, а также словосочетаний современного русского языка.

Работы Е. Н. Шиповой «О способах словообразования имен существительных в русском и казахском языках» (стр. 300—335) и В. А. Псеенгаллиевой «О некоторых эквивалентах русских предлогов в казахском языке» (стр. 336—394) посвящены сопоставительному изучению двух разнородных языков — русского и казахского. В статье Е. Н. Шиповой дается обзор основных типов словообразования имен существительных в современном русском языке, и на этом основании проводится сопоставление со способами словообразования имен существительных в современном казахском языке. В. А. Псеенгаллева, основываясь на классификации предлогов акад. В. В. Виноградова, на материале произведений русских и казахских писателей прослеживает те способы выражения грамматических отношений, которые в казахском языке соответствуют русским предложным конструкциям.

Как первая, так и вторая статья не представляют собою оригинального исследования в русской своей части. Обе они ждут еще своей оценки со стороны тюркологов.

Кроме рассмотренных выше работ, в сборник включены в качестве «Приложений» статьи Х. М. Сайкисева, Е. А. Седельникова, А. А. Коки, В. А. Псеенгаллиевой, В. М. Никитевича и А. Х. Мищенко, где освещается история разработки в отечественном языкознании тех вопросов грамматики и лексики, которым посвящены перечисленные выше статьи этих авторов.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что положительные стороны сборника «Вопросы изучения русского языка» гораздо более значительны и существенны, чем его недостатки, неизбежные, впрочем говоря, в каждой большой и новой по тематике серьезной научной книге. Особо нужно подчеркнуть такую общую положительную сторону всех статей сборника, как обилие фактического материала, исследованного авторами. Нужно отметить также большой труд ответственного редактора сборника Х. Х. Махмудова. В заключение хочется пожелать молодому авторскому коллективу дальнейших успехов в научной работе и в подготовке следующих выпусков лингвистических трудов.

Т. П. Ломтев

РАБОТЫ В. К. МЕТЬЮСА ПО РУССКОМУ И СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКАМ

Интерес к русскому языку определяет увеличение количества в зарубежной литературе работ, посвященных его исследованию. Эти работы, имеющие как специальный, так и более общий, обзорный характер, не могут не привлечь к себе внимания

советских языковедов. Систематическое ознакомление с подобными работами должно способствовать правильному пониманию их удельного веса в науке о русском языке.

В Англии в последние годы с целым рядом статей, посвященных восточнославянским языкам, выступил профессор Лондонского университета В. К. Метьюс, интерес которого являются весьма разнообразными. В своих работах проф. Метьюс затрагивает вопросы, связанные с историей русского языка, касается особенностей старославянского языка, рассматривает грамматический строй современного русского и украинского языков. Положительной стороной работ В. К. Метьюса является то, что факты языка рассматриваются им во многих случаях в сопоставлении с соответствующими явлениями других языков.

В статье «Источники древнерусского языка»¹ Метьюс излагает историю возникновения славянских азбук в связи с деятельностью Константина и Мефодия, приводит краткие сведения о памятниках старославянского языка, о их содержании, группировке и изданиях, перечисляет некоторые фонетические, морфологические и лексические признаки, которые учитываются при определении происхождения древнейших славянских рукописей и дают возможность классифицировать их.

Статья носит в целом обзорный характер и не выдвигает новых проблем или концепций. Если автор касается спорных вопросов, он ограничивается изложением существующих точек зрения. Высказываемые им при этом в отдельных случаях собственные соображения представляются слишком субъективными и недостаточно убедительными. Так, не вдаваясь в оценку различных аргументов в известном споре о том, какая из славянских азбук возникла раньше и какая из них связана с деятельностью Константина и Мефодия, автор склонен, однако, считать «психологически» более вероятным, что «более оригинальная из них была также и старшей» (стр. 471). По мнению автора, «человек с таким изощренным филологическим умом», каким был Константин, вернее всего отбросил бы более легкий путь простого копирования греческих букв. Таким образом, с его именем связывается глаголица, а кириллица представляется В. К. Метьюсу созданием «более практического и не столь оригинального ума» (стр. 471).

Ряд статей В. К. Метьюса посвящен истории русского языка. Автор пытается воссоздать фонологическую систему древнерусского языка², привлекая для этого свидетельства других языков: транскрипции восточнославянских слов в греческих и отчасти арабских текстах, а также русские заимствования в финских и балтийских языках.

Следует отметить, что Метьюс не ограничивается отдельными примерами, а стремится привести полностью относящийся сюда материал. В связи с этим работа представляет известный интерес. Автор считает, что в работах Н. Н. Дурново, Г. О. Винокура и Л. А. Булаховского основное внимание сосредоточено на истории языка и поэтому «описание фонологической системы древнерусского языка целиком подчинено накоплению фактов, иллюстрирующих ее развитие» (стр. 107), в то время, как в своей статье он стремится на основании «синхронических и диахронических данных» систематизировать звуки древнерусского языка и приводит таблицы гласных и согласных.

В. К. Метьюс специально останавливается на фонетическом значении *ѣ* в древнерусском языке³. По его мнению, «древнерусский *ѣ* представлял собой фонологический комплекс, варьирующий звучание между фонетическими «пунктами» [e] и [ɛ]. с тенденцией произноситься выше [e] и ниже [ɛ] в зависимости от фонетического окружения... и особенностей диалектного произношения» (стр. 262). В то же время Метьюс, принимая различное качество *ѣ* в древнеболгарском и древнерусском языке, неоднократно высказывает мысль о тождестве в древнерусском языке XI—XII вв. *ѣ* и *е*⁴. Следует заметить, что в Остромировом евангелии написания *црѣво* вместо *црѣво*, которое должно, по мысли автора, иллюстрировать произношение *ѣ* как *e* уже в эпоху древнейших русских памятников⁵, — нет, а отдельные случаи их смешения в древнейших старославянских памятниках русской редакции еще не могут, как полагают, например, Шахматов⁶, свидетельствовать об их совпадении. Что касается написаний

¹ W. K. Matthews, Sources of Old Church Slavonic, «The Slavonic and East European Review», vol. XXVIII, № 71, London, 1950, стр. 466—485.

² W. K. Matthews, The Pronunciation of Mediaeval Russian, «The Slavonic and East European Review», vol. XXX, № 74, London, 1951, стр. 87—111.

³ W. K. Matthews, The Phonetic Value of *jat'* in Old Russian, «Revue de Slavistique», III, 1950, стр. 256—262.

⁴ W. K. Matthews, The Russian Language before 1700, «The Slavonic and East European Review», vol. XXXI, № 77, 1953, стр. 371; е г о ж е, The Pronunciation of Mediaeval Russian, стр. 97.

⁵ См. «The Phonetic Value of *jat'*...», стр. 259.

⁶ См. «Дополнение...» А. А. Шахматова к «Грамматике старосл. языка» А. Лескина (перевод с нем., М., 1890.), стр. 161.

вроде *ка́мьные* вместо *каменеь*, *дѣнь* вместо *день* в памятниках с XII в., главным образом галицко-волынского происхождения, то здесь скорее всего, как было отмечено Соболевым¹, эта замена отражала удлинение *e* перед слогом со слабым редуцированным. Это совпадение *ѣ* и *e* «по крайней мере в севернорусских памятниках» выдвигается В. К. Метьюсом в статье, посвященной древнерусскому произношению², как одна из особенностей древнерусского языка сравнительно со старославянским. Здесь перечисляются и другие особенности, отмечаемые обычно в литературе; не вполне убедительными оказались только примеры, иллюстрирующие исчезновение редуцированных в конце слова: предлог *изъ* и в старославянском мог быть без *ъ*³, а в слове *никѣто ѣ* не находится в конце слова.

Описанию особенностей древнерусских текстов сравнительно со старославянскими (древнеболгарскими) посвящены первые страницы и другой статьи В. К. Метьюса «Русский язык до 1700 г.»⁴. Здесь вызывает сомнение утверждение автора об отражении доканья в Остромировом евангелии. Автор приводит (к сожалению, без указания на листы рукописи) такие примеры: *пецали, лице* (?). Не совсем точно указание на то, что в условном наклонении «мы находим формальное различие между древнерусским и древнеболгарским (ср. др.-рус. *несль бытъ* и др.-болг. *несль бимъ*)» (стр. 375), так как последняя форма встречается только в наиболее архаических текстах старославянского языка. Противоречивым выглядит освещение В. К. Метьюсом возникновения *а к а н ь я*. На стр. 383 к особенностям московского говора XIV в. относятся *о — е* перед твердым согласными, *а к а н ь е* и *и* вместо *ѣ* (?), а на стр. 385 характерными чертами московского произношения признаны *з* взрывное и *о к а н ь е*, причем на следующей странице говорится о том, что в XVII в. московский говор приобрел акающий характер.

Укажем некоторые из мелких ошибок (может быть, в некоторых случаях, опечаток). Среди русских нововведений XII в. отмечено (стр. 380) *язъ* вместо *я* (*азъ*?). Вряд ли удачным примером тюркизмов, вошедших в русский язык в XIII в. и «обычных в современном русском языке» является слово *там(ь)а*, приводимое вместо *лошадь* (стр. 378). Непонятно, почему замечание о проникновении в деловой стиль книжных конструкций иллюстрируется примером из проповеди Кирилла Туровского (стр. 376), явно не отражающей этого стиля.

В статье «Современные русские диалекты»⁵ В. К. Метьюс сообщает краткие сведения о лингвистических атласах в Европе и о собирании материалов для атласа русских говоров с 1903 по 1949 гг. Затем следует очерк группировки русских диалектов и отмечаются (без детализации) особенности основных групп говоров. Поскольку работа Метьюса не представляет собой самостоятельного исследования, а является изложением наиболее общих фактов, отмечаемых в русской диалектологической литературе, можно ограничиться только указанием на отдельные неточности. Так, говоря о том, что *о к а н ь е* может быть полным и неполным, причем при *и е о л и о м* *о к а н ь е о* произносится только под ударением и в первом предударном слоге, автор приводит следующие примеры: «орфографические *радом, пусто, хорошо* произносятся соответственно *Sradom, Spusto, xorošo* в Ярославской, Владимирской, Горьковской и Кировской областях» (стр. 128). Непонятно, как эти примеры могут иллюстрировать вообще какое-либо оканье (не говоря уже о географическом прикреплении подобного произношения). Неточно утверждение, что одной из фонетических особенностей севернорусских говоров «является произношение орфографического *я* как ударенного, так и безударного, как *e...*» (стр. 129), поскольку здесь не отмечается мягкость последующего согласного. Неразъясненным остается отнесение *и к а н ь я* к типам «чистого яканья» («обычно различаются пять типов чистого яканья: сильное, диссимильное, умеренное, ассимилятивное и *и к а н ь е*»; стр. 135). Не вполне точно охарактеризованы группы говоров (например, восточная группа северных говоров).

Современному русскому языку посвящена статья «Очерк грамматико русского языка»⁶. Автор кратко освещает основные грамматические категории русского языка.

¹ А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, М., 1907, стр. 50—51.

² W. K. Matthews, The Pronunciation of Mediaeval Russian, стр. 97.

³ Ср.: А. А. Шахматов, «Дополнение...», стр. 171; А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. 1, 1951, стр. 158; Ф. Ф. Фортунатов, Состав Остромирова евангелия, «Сборник статей, посвященных... В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности», СПб., 1908, стр. 1439 и др.

⁴ См. W. K. Matthews, The Russian Language before 1700.

⁵ См. W. K. Matthews, Modern Russian Dialects, «Transactions of the Philological Society», 1950, стр. 112—148.

⁶ См. W. K. Matthews, Russian Grammatical Design «The Slavonic and East European Review», vol. XXIX, N 72, 1950, стр. 20—48.

Он начинает статью с вопроса о строе предложения в русском языке (при этом отмечается преобладание двучленного типа, определяющего «грамматическую полярность» предложения с «относительной устойчивостью имени и относительно большей подвижностью глагола»; стр. 20). Освещение частей речи ведется с точки зрения единства в грамматике понятий функции и формы, определяющих с разных сторон одну и ту же «лексему» (стр. 25). Признание организующей роли имени и глагола позволяет, по мнению Метьюса, уловить закономерности грамматического строя русского языка.

Автор солидаризируется с В. В. Виноградовым в том, что в русском языке нет грамматически бесформенных слов. Понимание частей речи и их общая характеристика мало чем отличается от традиционной. Метьюс касается и вопроса о «категории состояния», выражая сомнение в целесообразности выделения данного разряда слов из сферы наречия. Статья носит в общем характер сжатого очерка, не ставящего целью рассмотрение сложных и спорных вопросов русской грамматики. Поэтому основные положения этой небольшой статьи не могут вызвать существенных возражений,— следует, может быть, кратко остановиться только на отдельных ее неточностях. На стр. 27 говорится об «угасании среднего рода»; в этот вывод, в основном правильно отражающий тенденцию общего языка, необходимо внести существенные ограничения по отношению к стилям книжного языка, в котором наблюдается значительный рост отвлеченных существительных на *-ие*, *-ство* и с некоторыми другими суффиксами среднего рода¹.

В. К. Метьюс говорит о том, что противопоставление *casus rectus* и *casus obliquus* находит «идеальное выражение» в «двухформных» (*two-form*) числительных *сто/ста*, *сорок/сорока*» (стр. 28). Непонятно, в каком смысле говорится об «идеальном» выражении и имеется ли здесь в виду тенденция развития падежных форм имен? Вряд ли правомерно в общем плане говорить о роде числительных *десять*, *сорок*, *сто* (стр. 29). Непонятно, почему в примерах на «независимое» употребление наречий после *холодно!*, *дорогоавто!* следует *пожар!* (стр. 33). Нужно отметить также, что «реликтом аориста» В. В. Виноградов считает не такие формы, как «хоть три года скачи» (Гоголь).

В заключение отметим, что в некоторых (хотя и редких) случаях вызывает сомнение перевод русских примеров на английский язык, например, «еще не отошледи служба, а уже чай пьете»².

Статьи В. К. Метьюса в основном имеют обзорный характер. Они свидетельствуют об интересе автора к достижениям науки о русском языке и о его хорошем знании советской лингвистической литературы³.

Т. В. Булыгина и Д. Н. Шмелев

Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова.— М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 5-е стереотипное изд. 1955. 856 стр.

Словарь иностранных слов — трудная книга, потому что по существу своему он не органичен. Он служит для непосредственного объяснения слов и оказывается неполной и краткой энциклопедией; вместе с тем он по традиции остается словарем иностранных языков, но только еще более частичным и неполным. От составителя словаря объяснение т е р м и н о в требует энциклопедических знаний, а объяснение с л о в — филологического и исторического понимания, а это вряд ли совместимо. Поэтому составитель обычно вынужден слепо довериться специалистам по различным областям знаний. Если он к тому же и не лингвист, то что же остается на его долю, кроме формаль-

¹ См. соответствующую поправку В. В. Виноградова к заключению С. П. Обнорского (на которого и ссылается В. К. Метьюс) о нежизнеспособности категории среднего рода в русском языке («Русский язык», М.—Л., 1947, стр. 85).

² См. W. K. Matthews, *Modern Russian Dialects*, стр. 130—131.

³ Специальному обзору развития советской лингвистики за последние 5 лет посвящена статья Метьюса «Developments in Soviet Linguistics since the Crisis of 1950» («The Slavonic and East European Review», vol. XXXIV, № 82, London, 1955. См. также рецензии Метьюса: на академическую «Грамматику русского языка», т. I (там же, vol. XXXII, № 78, 1953) и т. II (там же, vol. XXXIV, № 82, 1955); на отдельные работы советских лингвистов: Л. Якубинского «История древнерусского языка» (там же, vol. XXXIII, № 81, 1955), А. Б. Шапиро «Очерки по истории русских народных говоров» (там же), Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (там же, vol. XXXIV, № 82) и др.